

**ЕВГЕНИЙ
САЛИАС
ТУРНЕМИР**

БЫЛЫЕ ГУСАРЫ

Евгений Андреевич Салиас де Турнемир
Былые гусары
Серия «Библиотека русской классики»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69878899

Былые гусары:

Аннотация

Что случается, когда в одном городке живут две очаровательные юные и незамужние сестры и там же расквартирован гусарский полк? А если еще, к тому же, барышни очень богаты, а гусары очень brave и почти все холостые? Случается очень многое, и, прежде всего, конечно любовь...

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	9
Глава 3	19
Глава 4	29
Конец ознакомительного фрагмента.	40

Евгений Андреевич Салиас де Турнемир Былые гусары

2023 © Издательство «Седьмая книга». Редакция. Зыбин Ю.А.

2023 © Издательство «Седьмая книга». Редакция, составление, оформление

2023 © Издательство «Седьмая книга». Редакция, примечания, оформление

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в любой форме и любыми средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав

"Об информации, информационных технологиях и о защите информации"

ФЗ РФ от 27.07.2006 N 149-ФЗ (ред. от 31.12.2014);

Ст 146 УК РФ (лишение свободы до 5 лет)

Посвящаю

бывшему командиру

****ского Гусарского полка*

Глава 1

Дело было в сороковых годах...

Богоспасаемый городок Малороссийск, раскинувшись на крутом берегу Днепра, состоял из двух больших улиц, десятка переулков и одной площади, где высился большой собор. Одни переулки выходили в поле, другие упирались в крутой берег и спускались между хат и хибарок к самой воде. Но они только сами спускались, по ним же никто на колесах спускаться не отваживался по милости их крутизны, а из пешеходов двигались тут преимущественно только бабы с коромыслами, или с бельем, да обыватели с лошадьми на водопой.

В Малороссийске было две церкви, из коих наибольшая и именовалась собором, были три большие здания присутственных мест и еще три, или четыре каменные дома, принадлежавшие богатым помещикам уезда.

Обыватели разделялись на три сорта: мещане и немного дворян, затем евреи и, наконец, временный пришлый элемент, представители местных войск.

В Малороссийске стоял Мариинский гусарский полк и, кроме того, одна батарея.

В одном из больших домов, полу усадьбе, на окраине городка жил командир полка. Невдалеке от него, при выезде из города, помещалась полковая канцелярия и жил адъютант.

В довольно большом доме, в середине городка, в переулке помещалась нестроевая команда со своим командиром, а рядом с ними музыканты.

Большинство офицеров жило на квартирах, в самом городке, так как эскадроны были расположены по селам, недалеко, в трех и пятиверстном расстоянии.

Местное общество состояло из полдюжины дворянских семейств, живших в городке, да еще полдюжины семейств ближайших помещиков и, конечно, всех гусарских офицеров.

Главными членами общества были вновь избранный предводитель дворянства, а равно и прежний предводитель, благодаря его большому состоянию, а равно и хлебосольству в красивой усадьбе, недалеко от городка. А затем еще большим значением в обществе пользовался командир Мариинского полка флигель-адъютант полковник Граук.

Приняв полк с год назад от командира, полного невежды в военном деле, новый командир занимался тем, что с большим трудом, но упорно и успешно «подтягивал» полк.

Прежний командир, полковник Мамаанастазопуло, с прозвищем «мамашка», чрезвычайно любил раскладывать гранпасьянс, предпочитал всему на свете рахат-лукум и очень недурно, или, как говорили барышни, «пречувствительно» играл на флейте.

В полку при этом греке-командире была рознь и много недоразумений. У Мамаанастазопуло была жена и старая де-

вица дочь, самые отчаянные сплетницы, и обе сумели перессорить почти всех офицеров. Теперь рознь исчезла, и полк жил дружно. Даже самый злоязычный в полку офицер, подполковник Бидра, воплощенная змея, и тот меньше язви́л и кусался.

Всю половину зимы гусары прожили тихо и скучно. О веселье, подобно предыдущей зиме, не было и помину. И только теперь, перед самыми свята́ми, Малороссийск вдруг оживился и видимо сильно взволновался. Повсюду стало заметно особенное движение, как в лучших домах, так и на улице.

Да и было отчего взволноваться обывателям городка!

Офицеры гусарского полка собрались устроить бал в честь жены своего командира. Целый месяц шла речь о бале, как и где устроить его.

Дело было в том, что во всем городке было только два свободных дома с большими залами, где можно было танцевать. Но один из них, по имени «Княжеский», стоял одичалый, с выбитыми стеклами в рамах и замороженный, а другой был собственно усадебный дом, то есть был за пять верст от городка, и поэтому назывался даже «Пятовским». Он стоял тоже пустой и запертый, ибо владелец его, богатый местный помещик, жил в другой губернии.

Полк решил избрать «Княжеский дом».

Переговоры о том, чтобы нанять его на один раз для бала велись с управителем, который должен был списаться с кня-

зем, всегда жившим за границей. Разрешение было, наконец, получено, и «Княжеский дом» оживился. Прежде всего, надо было вставить рамы, затем хорошо вычистить, даже кое-где переменить обои, а главное – вытопить. Уже целые две недели как дом готовился для бала, а все еще был не в порядке и холоден.

Всем распоряжались адъютант и казначей.

Офицеры выбрали их распорядителями, как самых дельных и самых усердных.

Казначей Уткин взял на себя часть увеселительную, а адъютанту Немовичу было поручено все самое «существенное»... от повара до шампанского.

Оба офицера хлопотали постоянно в нанятом доме. Хотя теперь оставалась еще неделя до бала, но и многое еще приходилось устроить.

Среди дня многие из офицеров полка от нечего делать заезжали в дом поглядеть и поболтать. Некоторые из них помоложе делали репетицию – пробовали пройти мазурку, а то и польку. И все оставались довольны и паркетом, и размером залы. Было где развернуться!

– Такой бал закатим... Только держись! – говорили они.

Глава 2

В темный сырой вечер, при легкой оттепели, по одной из улиц Малороссийска, часов в восемь, двигался медленными шагами молодой гусар. Он направлялся именно к «Княже-скому дому», заранее условившись с товарищами, распорядителями бала, вместе идти на вечер к старшему полковнику.

Офицер шел, глубоко задумавшись и, уже приближаясь к улице, где был нанятый для бала дом, вдруг повернул в противоположную сторону.

– Не могу! – вымолвил он вслух. – Хоть на секунду. Все будет легче.

Он прошел переулок и вышел на главную улицу городка, Дворянскую, которая, однако, была так же темна, как и все остальные. Только в одном месте разливался сильный свет. Но причиной тому были не уличные фонари, а ряд освещенных окон большого дома.

Офицер перешел улицу, на противоположную сторону от дома и, очутившись против него, остановился. Улица была настолько широка, что свет окон не достигал до него, и он стоял в темноте.

Пристально и пытливо глянул он в дом. Занавесей не было нигде, и горницы, окнами выходившие на улицу, были как на ладони.

Передняя, гостиная и еще маленькая комнатка были ярко освещены и видимы до мелочей. Но все эти горницы были пусты.

— Чай пьют, — решил он, зная, что столовая выходит окнами во двор. — Подождать? А если увидит кто... Глупо... Вздыхатель чуть не из-за забора!

И он стоял в нерешительности... потом двинулся, но тотчас же снова остановился.

Офицер-гусар был корнет, князь Аракин, молодой малый, но некрасивый и неуклюжий. Главной же чертой его характера была особенная щепетильность и обидчивость, из-за чего у него было немало недоразумений. Аракин кичился немногим тем, что был единственный титулованный офицер в полку. При этом средств у него не было никаких и он жил одним жалованьем. Вообще же это был очень добрый малый, честный и прямодушный.

Не прошло минут трех, как на улице по той же панели, где он стоял, показался среди тьмы прохожий и послышался звук шпор.

Князь быстро двинулся от проходящего, но, отойдя несколько шагов, обернулся и разглядел какого-то офицера в шинели, который стал почти буквально на покинутом им месте и также глядел на освещенный дом.

— Что такое! — почти взволновался князь. — Это странно. Неужели и другие то же делают. Но кто же это?

И он решил стоять и ждать...

Занявший его место тоже стоял неподвижно, очевидно занятый наблюдением в окна.

Прошло минут пять, но князю, в котором давно закипали ревность и тревога, показалось, что прошло уже четверть часа и даже более...

Он вдруг решился и двинулся назад, чтобы спугнуть офицера, занявшего его место, а главное, узнать кто он.

Офицер, оказавшийся по шапке гусаром, не двинулся с места завидя князя и, приглядевшись к нему, засмеялся...

— А я здесь дежурю... Смотрю... Здравствуйте, князь... — заговорил он юношески свежим и слегка женственным голосом.

Товарищи поздоровались, и князь стал около.

— Что вы, Звездочкин, смотрите? — выговорил он несколько необычным голосом.

— А вот шел мимо в гости и увидел. Вон видите! — показал офицер на окна.

Князь поглядел и увидел, что гостиная была уже не пуста. В ней появились три личности. Сидевшая на диване пожилая женщина, около нее на кресле молодая девушка, блондинка, а затем ближе к окну другая женщина, высокая и седая. Поодаль от них среди горницы двигался и что-то проделывал, будто представлял нечто... их же товарищ, гусар.

Быстро оглядев всех, князь вымолвил:

— Вижу... Но что же тут любопытного?

— Ничего! — отозвался Звездочкин. — Теперь ничего. А ко-

гда я проходил, он Бог знает что делал. Смешно было... Точно трепака плясал... Да и теперь, смотрите, он что-то изображает. Кажется, показывает, как саблей рубят... А ведь я его не признаю. Кто же это...

– Не признали. Это командир нестроевых, болван Караваев! – сердито ответил князь.

– Так, так... Узнал. Я его один раз только видел. Являлся... А дом это чей?..

– Дом? Вы не знаете, чей это дом? – удивился князь, и тотчас заподозрил юного товарища во лжи.

«Впрочем, может и правда не знает, – подумалось ему. – Ведь он недавно произведен в офицеры и всего с неделю, как в городе».

– Это дом Задольских, – сказал он.

– Кто такие?

– Задольские, две сестры, девицы.

– Это они и есть... Вот которая стоит, а другая сидит. Старые девицы...

– Нет, – рассмеялся князь. – Это приживалки. Вон молоденькая – Задольская. А другой сестры в горнице нет...

– Она хорошенькая... Белокурая... А та такая же или хуже?..

Князь не ответил.

– Что же, Караваев их хороший знакомый?

– Даже вздыхатель. В женихи метит, как и все Мариинцы... – сказал князь. – Как и вы будете скоро, – прибавил

он сухо.

— Я?! Что вы! Христос с вами! — воскликнул Звездочкин. — Нет, князь, если моя нога переступит хоть раз порог этого дома, то ждите светопреставления на другой же день. Я терпеть не могу дамского общества и от всякой юбки спасаюсь бегством.

Между тем гусар, видимый в гостиной, что-то снова усиленно размахивал правой рукой. Женщины смеялись.

— Дурак! — вдруг резко выговорил князь. — Показывает, как пикой колоть. Воин! Как же? Герой гусар. Портняга. Даже на маневрах не бывал. Воображает, что поясничеством понравится. Осел. Идиот... Пойдемте! — прибавил он слегка нетерпеливо.

И оба офицера двинулись вместе.

Товарищ, которого встретил князь, был только что произведен в корнеты. Это был среднего роста, очень юный на вид и белолицый молодой человек с большими красивыми глазами. У него не только не было усов, но не было и тени какого-либо пушка на губах. Это был в полном смысле слова птенец, вылетевший только из гнездышка.

На Звездочкина и смотрели в полку именно так. Это был один из тех офицеров, которые находятся на особом положении во всяком полку. Все считают долгом им протезировать. Они — полковые дети.

Это те юноши, которые прямо от маменьки с папенькой, от мамушек, тетюшек, братцев и сестриц, с варенья и пече-

ня, попадают прямо в среду офицеров. Они всегда ухмыляются глупо, озираются робко и краснеют от всякой офицерской беседы, так как многое, о чем у маменьки с папенькой было запрещено даже и на уме иметь, здесь говорится вслух. Звездочкина звали в полку: птенчик, цыпленок, душанчик. За последнюю зиму кто-то почему-то прозвал его «княжна», и это прозвище укрепилося за ним.

Офицеры долго шли молча. Князь насвистывал марш, а насвистывание было у него всегда признаком внутреннего волнения.

– Вы куда, Звездочкин, идете? – сухо спросил он, наконец.

– Я... Я так... – смутился видимо юноша. – Я вот пройду и вероятно домой.

– Так я вас провожу до вашей квартиры.

– Да... Но... Я не знаю... Может быть я...

Корнет окончательно запутался и запнулся. Князь косо глянул на него, но среди темноты ночи не мог видеть лица его. Голос, однако, явно выдавал его смущение.

– Опять под окна!! – резко вырвалось вдруг у Аракина вспышкой.

– Что?.. Какие окна!?

– Опять под окошки того дома, который вы якобы даже не знаете кому и принадлежит.

Звездочкин приостановился и обернулся к товарищу.

– Совсем ничего не понимаю... – тихо произнес он.

– Вы влюбились, – заговорил князь глухо, – в одну из За-

дольских. Как и все мы по очереди влюблялись. Вот и все!.. Мне любопытно знать только одно: в которую... в младшую или старшую?

– Христос с вами! – воскликнул Звездочкин.

– Я вас убедительно прошу, господин корнет, отвечать, в которую... – почти грозно произнес Аракин, тяжело переводя дух. – Одна из них мне личность не чужая... Одна из них... Я люблю одну из них и надеюсь добиться взаимности... Вот!.. Я говорю прямо... Мне все равно. Это чувство невыносимо... Лучше прямо объясниться...

И князь от волнения почти задохнулся.

Понявший, наконец, все Звездочкин остановился, задержал Аракина за руку и горячо, наивно, но красноречиво начал убеждать товарища, что он все во сне видел.

Князь, наконец, успокоился, протянул руку корнету и произнес мягко:

– Простите. Я ревнив, как дьявол, как дурак. Но, ради Бога, обещайте, чтобы все осталось между нами. Я высказался вам одному. Из-за того только, что поймал вас на том месте, где бываю всякий вечер, чтобы видеть ее... Я бываю часто у них, но, конечно, не могу бывать ежедневно. Сплетни пойдут... Итак, даете слово, что все останется между нами.

– Даю... Богом клянусь...

– Ну, прощайте, – улыбнулся князь, подавая руку. – Идите на свое тайное свидание.

– Я иду к одному... Меня позвали в гости, – снова сму-

щаясь, отозвался корнет.

– Ладно... Ладно... Идите...

– Ей-Богу!

– Да ладно, говорю...

– Ну ей-Богу же, вы Бог знает что вообразили! – горячо протестовал Звездочкин. – Ну, хотите я вам правду скажу! Хоть и стыдно... Вы ахнете и меня на смех поднимете.

– Почему же... Свидание, вот и все... С какой-нибудь Оксаной, Олесей, а то с Хайкой, то есть жидовкой.

– Ну, слушайте... Я шел к гадалке.

– Что-о? К кому? – воскликнул Аракин.

– К гадалке... Ну вот, что на картах гадают... Тут одна... говорят, удивительная.

Звездочкин ожидал, что товарищ прыснет со смеху и начнет подшучивать, но князь стоял молча и будто что-то обдумывал.

– Откуда же вы знаете, что в городе есть такая?.. – спросил он, наконец.

– Хозяйка квартиры мне сказала.

И Звездочкин, ободренный тем, что князь не стал сразу над ним насмеяться, начал воодушевившись объяснять, что он верит «во многое эдакое...» Он сознался, что у него теперь важное семейное дело на плечах, от которого зависит вся его будущность, и ожидание исхода этого дела его просто измучило. Поэтому он решился развлечься, потешиться и пойти спросить хоть у гадалки, что его ожидает в скором

времени.

– Хозяйка говорит, – прибавил Звездочкин, – что эта су- щая колдунья, что ее на сто верст кругом все помещики зна- ют и часто за ней своих лошадей присылают, выписывают к себе погадать... Вот какая!.. Что за важность... Ведь это же не бесчестное дело, – извинился корнет. – Ребячество и ма- лодушество идти гадать. Правда. Но, право, иное много ху- же. Вот хоть схитрить, обмануть, солгать...

– Ну, Звездочкин, вот что... Я с вами! – вдруг выговорил князь, добродушно рассмеявшись. Ведь я вам не помешаю.

– Идемте. Я очень рад... Очень, очень рад... – воскликнул юный корнет. – Вдвоем веселее, да и удобнее... Будто не в серьез, если два человека и больше... А один пойдет – выхо- дит таинственно. Как будто и впрямь, что важное совершает и прячется... Идемте. Тут недалеко.

Товарищи двинулись, весело болтая.

– Вот не воображал куда вдруг угожу! – сказал Аракин. – Знаете, я еще ни разу этим не занимался... Гадать...

– Нет, я... Я иногда бывал, – сознался виновато Звездоч- кин. – В Петербурге в зиму-то раза два заходил... Там была эдакая старая женщина, теперь умерла уж, дворянка, разо- рившаяся, с проломленной головой...

– Вон как! – рассмеялся Аракин.

– Да. Во лбу дыра – кулак влезет. Неприятно было смот- реть на нее. Как она, знаете, гадала! Поразительно!

– Несмотря на пролом в башке?

– Напротив, она уверяла, что с тех самых пор, как ее разбили лошади и изуродовали, она именно и начала ясно видеть будущее... Карты она клала бывало так... будто для проформы только. А сама смотрит в стену или потолок и говорит... говорит...

Глава 3

Гусары повернули в переулок и остановились у третьего маленького дома. Калитка оказалась запертой. Крайнее окошко, очень низкое, было довольно ярко освещено. Они постучали.

Через несколько мгновений на дворе раздались шаги, кто-то подбежал к воротам и пискливый голосок спросил:

– Чего там?..

– Здесь живет Авдотья Галактионовна Мушкина? – спросил Звездочкин.

– Здеся. Здеся. Вы к ей, стало быть...

– Да. Да. К ней самой!

– По своей, стало быть, нужде?..

– Да, именно! И крайняя нам нужда, – пошутил князь. – Отпирайте.

Калитка отворилась, и молоденькая девушка, подросток, завидя двух гусар, ахнула и оторопела.

– Чего вы испугались... Мы такие же люди. Не грабители, – сказал Аракин.

– Нет уж, вы дайте... Я сбегая, спрошу у Авдотьи Галактионовны...

– Пустое... Зачем... – сказал князь и тихо прибавил товарищу. – Идите. Нечего предупреждать. Пожалуй, с носом останемся.

— Как же... Позвольте... — растерянно залепетала девушка. — Там же и гости... Барыня и барышня. Позвольте я спрошусь...

Гусары не слушали и двинулись. Но затем оба остановились, не зная куда идти.

— Ну, идите, говорите Авдотье Евдокимовне, что ли... — сказал князь. Но когда девушка пошла вперед, оба офицера двинулись за ней вплотную... И все вошли вместе в холодные, длинные и темные сени, а затем и в домик. Душный, спертый воздух пахнул на них, когда первая дверь отворилась. Они очутились в просторной горнице, тускло освещенной сальной свечей, где оказалось все, что бывает во всяком доме, но в разных горницах. Тут был и диван, и кровать, и вешалка с верхним платьем, и большая русская печь с раскаленным жаром, где дымился горшок, и пахло щами, и, наконец, в углу столярный станок... Очевидно, эта комната заменяла собой много комнат.

Гусары остановились, озираясь на простую мещанскую обстановку, свидетельствовавшую о достатке.

Девушка юркнула в дверь второй маленькой горницы, где было светлее. Там начался шепот, потом сдержанный смех, очевидно веселая шуточная тревога.

— А ведь мы кого-нибудь из городских накрыли тут! — шепнул князь.

— Я об этом и не подумал! — затревожился юный корнет. — Ведь увидят...

– И мы увидим.

– Да ведь женщины... Им и Бог велел по гадалкам шататься. А мы-то? Гусары!

– Так что же? Гусары, именно... а не монахи, – улыбнулся Аракин.

В эту минуту из горницы, тщательно и не очень широко отворив и затворив за собой дверь, вышла пожилая и полная женщина, на вид простая мещанка.

– Извините, судари мои... А позвольте вам сказать, что вы в неурочное время посетили меня... – заговорила женщина простодушно, но развязным голосом и с жестами, доказывавшими, что она привыкла к сношениям со всякого рода людом и всякие виды видала.

– Вот что-с... – перебил ее князь. – Вы извините... Но нам днем к вам идти не совсем ловко... Что вы ни говорите, моя уважаемая Дарья Евдокимовна, но мы...

– Авдотья Галактионовна, – поправил Звездочкин товарища.

– Ну да... уважаемая Авдотья Галактионовна... – продолжал князь таким тоном, как если бы буквально повторял вторично то же самое имя. – Вы нас примите и нам нашу несчастную судьбу распишите... А мы со своей стороны и красненькой для вас не пожалеем.

– Мне, сударь мой, господин офицер, – сухо отозвалась женщина, – извините, не знаю, как вас именовать. – Мне не в диковину ваши денежки. Меня господа дворяне во всей гу-

бернии знают и часто провизией одной на сотни рублей отблагодаривают... Да это что... А вот у меня теперь гости... И я вас впустить не могу... Пожалуйте завтра... А теперь милости прошу – ослобоните.

Звездочкин двинулся уже, чтоб уходить, но князь вдруг заупрямился.

– Как вам угодно, моя дорогая, а мы не уйдем. Мы не бродяги какие и не жида. Какие бы гости у вас ни были, им гусарское общество не в обиду. Мы подождем. Барыни ваши кончат, уйдут, а мы начнем про нашу судьбу.

– Но позвольте, господин офицер... – с некоторым даже достоинством возразила женщина. – Может быть, моим гостям не желательно с вами повстречаться.

– Пойдемте! Ну что!.. – сказал Звездочкин.

Князь, ни слова не говоря, двинулся и сел на диван.

– Ну, пожалуйста... Ну, зачем... – начал умолять корнет.

– Застрелите меня тут, а не пойду. Так вот хоть до завтрашнего утра сидеть буду... Хочу я узнать свою судьбу от Анны... Анны Степанидовны...

За дверью в маленькой горнице вдруг послышался сдержанный смех.

Все обернулись на дверь.

– Вот видите, – сказал князь, – ваши посетительницы и те смеются, что вы нас гнать хотите. – И князь прибавил громче и обращаясь к дверям:

– Сударыни! Заступитесь за нас грешных.

За дверью раздался уже звонкий, откровенный, несдерживаемый смех, и князь вдруг наострил уши... Что-то знакомое и даже особенное почудилось ему в этом смехе. Он совершенно не знал, кто смеется, но его все-таки будто кольнуло.

Дверь претворилась, и незнакомый князю голос произнес: – Авдотья Галактионовна... На минуточку.

Женщина, разводя руками от происшествия, какого с ней еще вероятно не бывало, вошла снова в горницу, из которой появилась.

– Ну, пожалуйста, уйдемте... – заговорил Звездочкин. – Ведь это же насилие над какими-то барынями.

– Мы их накрыли... Правда... – ответил князь. – Да ведь и мы сами тут. Все причастны к делу и свидетелей нет. Все и виноваты.

– Может быть, это дамы из здешнего общества.

– Говорю вам, все... И они и мы, равно...

Но Аракин не успел договорить... Дверь отворилась. На пороге появилась молодая девушка брюнетка, и, смеясь, вышла в сопровождении пожилой женщины.

Князь ахнул и вскочил с дивана.

Девушка, неудержимо смеясь, подошла к нему и протянула руку.

– Марья Борисовна? – выговорил князь и смутился.

– Мне не стыдно, – звонким веселым голосом произнесла девушка. – Я люблю гадать и часто зову к себе Авдотью Га-

лактионовну. А вот теперь она хворает – я сама пришла.

– Простите, Марья Борисовна... Ради Бога! – заговорил князь виновато и смущенно. – Если бы я знал, что это вы, то поверьте...

– Да я, князь, не сержусь... Что за важность... Вы же пришли гадать... А вы еще гусар, воин. Серьезный человек. А нам, девицам, и Бог велел глупостями забавляться... Ну, идите... Узнавайте свою судьбу! – кокетливо добавила девушка и, надев шубу, направилась к выходной двери, сопровождаемая своей спутницей. Обе вышли в сени, пока хозяйка тщетно металась и звала девушку проводить гостей. Ее не было нигде.

– Ах треклятая. Опять провалилась!.. – ворчала хозяйка.

Аракин между тем оглянулся в горнице и не нашел товарища.

– И мой тоже провалился, – сказал он. – Где же он?

– Не знаю-с, не видала... – отозвалась хозяйка любезнее, обращаясь к гостю, названному сейчас «князем».

В эту минуту выходная дверь снова отворилась, и обе гости быстро явились вновь в горнице.

Молодая девушка смеялась, но уже иным смехом, с оттенком полусерьезной, полу шуточной тревоги.

– Авдотья Галактионовна! – воскликнула она. – Мы боимся. Позовите Пашу проводить... Или вот вы, князь, пожалуйста...

– Что прикажете?

– Проводите нас... Тут в сенях в углу кто-то вдруг при нас спрятался. Я боюсь...

– Батюшки светы! – воскликнула хозяйка. – Опять забрался. Ради Создателя! Ваше сиятельство!.. Марья Борисовна! Помогите... Третьевось у меня воров накрыли ввечеру... Ради Создателя...

– Полноте! Успокойтесь! – заговорил князь. – Позвольте я вас провожу...

– Батюшка, князь, не уходите! – заметалась хозяйка. – Марья Борисовна. Золотая... погодите... Уйдете вы, меня тут одну убьют... Золотая... Дайте прежде оглядеть... с фонарем!.. Ваше сиятельство, ради Создателя. Вот! Вот фонарь...

Страх мещанки сообщился тотчас и пожилой женщине и самой молодой девушке. Она перестала смеяться и вопросительно-тревожно глядела в лицо князя.

Аракин ухмыльнулся с чувством собственного достоинства и гордо принял роль и вид спасителя беззащитных.

Он взял зажженный хозяйкой фонарь в левую руку, подал другую молодой девушке и выговорил шутливо:

– Пожалуйте. Пускай целая армия грабителей нападет на вас, но пока я жив, с вами ничего не случится.

И сразу открылось торжественное шествие.

Впереди двинулся Аракин под руку с девушкой, которая снова смеялась, но невольно жалась к своему покровителю, за ними пошла гостья спутница, а за ней хозяйка, и явившаяся, как из-под земли, девчонка служанка.

– Вон там! В углу! За бочкой! – шепнула девушка князю, когда они были в сенях.

Князь улыбнулся недоверчиво, но присмотревшись, действительно увидел в полусвете, бросаемом из закоптелого фонаря, какую-то фигуру, прижавшуюся в углу...

– Я боюсь... – шепнула девушка...

Но князь зашагал решительнее и, подняв фонарь над головой, крикнул: «Кто там?!»

Из-за бочки двинулась на них фигура в военной шинели...

– Это вы? – вскрикнул князь.

– Я... – конфузливо откликнулся юный корнет.

Громкий всеобщий смех огласил сени.

– Вы всех перепугали! – хохотал князь. – Вас за грабителя приняли. Да зачем же... Что же вы тут делали?..

– Я... я – ничего... Так... – смущенно и едва слышно ответил корнет.

Молодая девушка, не имея возможности сдержать чуть не истерический смех, бросила руки Аракина и побежала вперед. Вскоре она была уже за калиткой на улице, но и оттуда все еще доносился ее припадночно-звонкий смех до слез.

– Ах вы, Звездочкин, Звездочкин! – хохотал князь. Но вдруг, бросив фонарь, он пустился догонять девушку... Настигнув, он попросил позволения проводить ее до дома.

– Вот происшествие-то... – сказал он весело.

– Да... Но зачем же он спрятался? – смеялась девушка. –

Скажите, кто это? Ваш... Гусар ведь...

– Да, товарищ. Корнет Звездочкин.

– У него пресмешное лицо, – заметила девушка и прибавила мысленно: «но милое».

А оставшийся в сенях с хозяйкой Звездочкин мысленно повторял:

«Как глупо! Как глупо! Думал вежливее, лучше, а, вышла чертовщина».

– Теперь слободно. Если такое ваше желание... Если прикажите – пожалуйста... уже несколько раз повторяла хозяйка, корнету.

– Нет... нет... – отозвался, наконец, Звездочкин. – Уж лучше в другой раз. Скажите, кто эта девица?

– Нам не полагается сказывать, – жеманясь, ответила женщина.

– Да ведь я от товарища все равно могу узнать.

– И то правда... Это барышня Задольская, Марья Борисовна.

– Задольская? Ну что ж... Пускай... Мне все равно.

И корнет двинулся из сеней в раздумье.

«Как глупо, – бормотал он уже на улице. – Задольская? Это чей дом мы глядели. Глупо. Не хотел вот конфузить и ее и себя. А вышло хуже! Ну, ушел бы совсем. А то выдумал в темноте пропустить мимо себя. Вот и пропустил! Как, Господи, глупо.

И через несколько минут, выйдя на большую улицу, кор-

нет прошептал:

— А ведь эта... очень хорошенькая... А как князь сконфузился? Уж не та ли эта, в которую он влюблен? Вот okazия-то была бы... Да. Очень, очень хорошенькая. А я то... я то... Отличился! Гусар, да за бочкой!.. Может быть еще с капустой...

Глава 4

В этот же самый вечер, как было условлено заранее, у старшего в полку офицера полковника Капорко должны были собраться несколько человек товарищей, чтобы потолковать насчет бала.

Капорко не пользовался особенным уважением и особенной любовью в полку именно за то, что был старшим и уже очень давно. Его прозвище было «Запорка». Будучи старшим полковником, он не выходил в отставку и запирал собой целый ряд вакансий и производств. Про него говорили полушутя, полу досадливо:

– Отопрись эта проклятая Запорка, сколько тогда человек выиграют по чину!

Каждый раз, что слабый здоровьем холостяк хворал и ложился в постель, в полку довольно серьезно начинали помышлять о том, «отопрется запорка или нет?» Помрет Капорко, или опять встанет? Но, увы! Полковник всегда снова вставал.

Более всех злобствовал на Капорко командир первого эскадрона, подполковник Бидра. Человек богатый и самолюбивый уже сидел более десяти лет в этом чине из-за проклятой «Запорки». А между тем он мечтал только об одном: быть произведенным в полковники и сейчас же жениться.

Человек десять офицеров должны были явиться в кварти-

ре Капорко, чтоб обсудить один очень важный вопрос. Лист приглашенных на бал давно был составлен, но не все приглашения были разосланы. Две городские гостиницы были на половину уже полны приезжими помещиками с женами и дочерями. Пустые номера были уже заняты заранее. Пора было обсудить окончательно приглашение некоторых лиц, проезд которых не ожидался.

Немович и Уткин явились прежде всех к Капорко. Затем приехал пятидесяти с лишком летний Бидра, маленький, худой, рыжий, с большими ногами, металлическим голосом и злыми глазами. Про него говорили некоторые, что у него особенно злой ум. Другие определяли вернее: весь он был «умная злость».

Несколько позднее явились к Капорко три эскадронные командира. Майор Андриюхин – полу-хохол, полу-поляк происхождения, с огромными висящими через подбородок усами, и самый добродушный русский человек сердцем и разумом. Арсланов, тоже майор, по происхождению имеретин или грузин, без малейших национальных типических черт восточного человека. Арсланов был настоящий гусар, много выпивал, не пьянея до бессознательности, много играл в банк и штосс, и часто дрался на дуэли. Он был всеобщим любимцем в полку. Третий эскадронный командир был ни рыба, ни мясо, ни немец, ни русский, – ротмистр Грабенгайтейн. Он обыкновенно молчал всегда пуще всякой могильной плиты.

Затем явился ротмистр Караваев, чисто русский человек по рождению, но по внешности армянин или грек, а по свойствам характера и по склонностям – жид. Ротмистр был командиром нестроевой команды.

В числе приглашенных были и два младшие офицера. Корнет Рубинский 2-й, очень умный, «читающий» гусар, и поручик Николаев, высокий и стройный блондин, большой ухаживатель и сердцеед.

Когда все гости полковника уселись в гостиной и принялись за жидкий чай с лимоном, явился князь Аракин, сияющий довольством. Все оказывались на лицо и Капорко вежливым до робости и нерешительным голосом, что было его отличием, попробовал было начать деловую беседу, заговорив о бале... Но это не удалось...

– Ну-с, так как-с вот... Насчет делов-то наших-с... – сказал он.

– Да вот увидим, что-нибудь решим! – гаркнул майор Андрухин, своим добродушно резким голосом. – Успеется!

И по этому голосу видно было, что майор хоть двадцать четыре часа будет участвовать на совещании, но ничего не решит.

– По-моему, коли решать главный вопрос как следует, – выговорил ехидно Бидра, – пригласить их обеих, да в зале и повесить рядом, или одну против другой... Здоровые костыли Немович приготовит.

– Вы завсегда-с так шутите, подполковник! – отозвался

тихо Капорко. – Давайте-с серьезно говорить-с.

Все офицеры, двусмысленно улыбаясь, промолчали, зная о чем речь Бидры, и в чем заключается главное затруднение. И снова началась болтовня.

Проболтав часа два о служебных мелочах, о военных новостях, было снова предложено заняться делом.

Первым пунктом совещания явился бывший предводитель дворянства Курганов, находившийся теперь в контре с новым предводителем.

Но этот вопрос был не мудрен. По предложению Арсланова было решено послать одного из младших офицеров в имение бывшего предводителя.

– Кого же послать? – спросил кто-то.

– Кого-нибудь из младших... Ну хоть Аракина. Ради параду... Он сиятельный.

– Самое лучшее, Звездочкина! Он такой тихий, учтивый!

– Верно... верно... – заговорили многие. – Звездочкина. Послать князя к Курганову – много чести.

Решено было немедленно дослать денщика на квартиру корнета Звездочкина, тотчас вызвать его и дать поручение на другой же день рано утром выезжать с приглашением к бывшему предводителю.

– Ну-с, теперь главный вопрос! Тут уже-с... признаться сказать-с, тернии и шипы, – пошутил Капорко тихо, ласково и опуская глаза, как бы от смущения.

Все опять начали двусмысленно переглядываться, улыба-

ясь и зная заранее, что этот вопрос решить мудро. Дело шло о том, приглашать или не приглашать барышень Задольских.

– Да! – воскликнул вновь Бидра. – Барышни Задольские!! Да! Магические два слова! Ей Богу, говорю приготовить два костыля, поздоровее, да обе эти картинки...

– Полно вам, – отмахнулся несколько угрюмо майор Арсланов. – Эдак мы никогда не кончим... А музыка, слышите, уже началась.

И майор показал пальцем в соседнюю комнату, где денщики устанавливали стол для ужина, за которым ожидалось и шампанское. А ужин, бывавший у полковника раза два в месяц, бывал всегда хороший, лучше, чем у других офицеров, так как у Капорко были средства. Недаром полковник двенадцать лет подряд командовал эскадрой, а однажды случайно более года исправлял должность полкового командира.

Так как майор Арсланов, первый пьяница в полку, стал настаивать, скорее сесть за ужин, то решено было дожидаться только Звездочкина. Через полчаса посланный солдат явился обратно.

– В гостях, ваше благородие, у протопопы! – рявкнул денщик.

– Батюшки-светы! Куда угодил корнет наш! – ахнул Арсланов. – Ну, вдруг, протопопадья влюбится в него...

Гусары уселись тотчас за ужин и оживились за столом хле-

босола полковника, умевшего угощать. После долгой веселой болтовни о всякой всячине, снова в третий раз поднят был шуточно важный вопрос.

– Вот что, господа, – заговорил добродушный Андрюхин, – позвольте мне объяснить на мой рассудок. Во-первых, прежде всего, опять-таки, и в сотый раз, при всех вот клянусь Всемогущим Богом и всеми святыми угодниками, что я ни за одну из них формально не сватался и, стало быть, отказа никакого не получал. Вот вам Христос Бог! Не верите, как хотите!

– Да, верим, верим! – раздалось несколько голосов. – Ведь это про всех говорят.

– Да, вестимо про всех, но про иных-то говорят резонно, а про меня... сущая клевета. Я за всю мою жизнь про эдакую мерзость, чтобы жениться, никогда не помышлял. Я офицер, а какой это офицер женатый! Я бы на месте Государя приказал бы женатых офицеров тотчас из полка исключать.

– Вона! Хватил! Браво! – раздались голоса.

– Так позвольте. Насчет дела. Если нам пригласить на бал барышень Задольских, – протяжно заговорил Андрюхин, – то тогда неукоснительно произойдет некий скандал и даже чертям в аду будет тошно от недовольного вида некоторых господ офицеров.

– Какое нам дело до чертей! Хорошо им, или дурно, – сострил Бидра. – Не сватайся!

– Дайте сказать! – добродушно крикнул Андрюхин. – Ес-

ли же с другой стороны барышень Задольских на бал не пригласить, то будет такая дьявольщина, что не только чертям будет тошно, а воистину в Малороссийске будет светопреставление! Вот теперь, стало быть, нам надо решить, что лучше: чтобы чертям в аду было тошно и некоторым людям на балу не вольготно, или чтобы было настоящее столпотворение и землетрясение. Отсюда я вывожу, что как ни вертись, а барышень пригласить надо.

Наступило молчание. Казалось, что никто из присутствующих не хочет первый выразить своего мнения.

– Вопрос крайне мудреный, – заговорил Уткин. – Просидим мы тут зря до рассвета и ничего не решим, потому что у многих рыло в пуху.

– Позвольте, – вымолвил вдруг Караваев, – что значит рыло в пуху?

– А вот на воре шапка горит. У вас оно в этом самом пуху, – ехидно зашипел Бидра. – Всем известно, что вы сунулись курочку съесть, но скушать-то не удалось ни той, ни другой. Вот вы теперь, конечно, приглашать, их на бал и не пожелаете. А вот я не хватался ни за одну, так по-моему их надо непременно пригласить на бал и умертвить... ради того, чтобы мир, тишь и гладь наступили на земле, хотя бы на той земле, где расположен Мариинской гусарский полк. Пространство невеликое. А то из-за этих двух попрыгушек у нас в полку всякие неурядицы. Торчат на глазах две хорошенькие девчонки, да со здоровым приданым, с поместьями

и капиталами. А у нас в полку почти все голь. У кого и было что, так протрублено и давно из трубы в поднебесье улетело. Вот, по-моему, и надо бы их похерить.

– Вы все шутите, подполковник! – мрачно заявил Грабенштейн.

– Вестимо, шучу... А коли хотите вопрос решить серьезно, то опять-таки я вам в сотый раз предлагаю: давайте всем полком их похитим, да обеих, по-нашему усмотрению, и обвенчаем с двумя нашими офицерами. Сделаются они полковыми дамами, перестанут быть невестами и будет у нас тишь да гладь, да Божья благодать!

– Э-эх! – воскликнул майор Арсланов, сильно подкутивший и красный, как рак. – Все турысы на колесах! Ну, решайте... Воровать, так завтра, хоть утром! Да! Уворуем и обвенчаем... Ну, с князем Аракиным что ли...

– Обеих! – пошутил Капорко.

– Обеих нельзя... Да мне все равно... Ну, по жеребью... На узелок... – пьяным голосом крикнул Арсланов.

– Замолчи ты... Конца, господа, не будет, – заявил Николаев.

– Стойте, стойте! – заявил Немович. – Давайте большинством голосов решать. Звать барышень Задольских, или не звать?

– На голоса! Ну-с, начинайте! Ну, вы, Караваев!

Караваев промолчал и угрюмо отвернулся, бурча что-то себе под нос, а все общество залпом хохота ответило на пред-

ложение.

– Стойте. Я выдумал! – серьезно произнес Бидра. Давайте нам, полковник, каждому по клочку бумажки. И каждый из нас будет класть клочок в шапку, или в ящик, что ли... Куда-нибудь! Баллотировка! Бумажка цельная будет означать – приглашать, бумажка с оторванным уголком будет означать – не приглашать. Сочтем голоса и готово.

– Отлично! – усмехнулся Капорко. – Сию минуту будет готово.

Полковник поднялся, достал лист бумаги, нарезал его ножницами на маленькие четырехугольники в вершок величины и роздал всем присутствующим по кусочку.

– Прежде чем класть, – скомандовал Бидра, – незаметным манером откусить уголок, якобы патрон.

Офицеры, смеясь, поднялись с мест. Хозяин, перейдя в соседнюю комнату, достал большой картон и поставил его там на столе. Затем, со смехом и прибаутками, все выстроились перед дверями комнаты и начали, как на смотре, поочередно туда маршировать.

Первый показал пример сам хозяин и бросил свою бумажку в картон. За ним проследовали в комнату все офицеры, по привычке соблюдая старшинство.

Когда все бумажки были в картонке, Капорко вынул их и стал выкладывать на стол. Оказалось, что все билетки были цельные и не один не откушен. Открытие произвело настоящий скандал.

В квартире полковника раздался такой хохот и длился так долго, что два денщика прибежали из кухни и прислушались. Даже двое прохожих жидов остановились под окнами и тоже прислушались.

– Гевалт! – сказал один из них.

Действительно, приключение было неожиданное. Те, которые были за барышень Задольских, не боялись класть билетки цельными, но те, которые якобы их ненавидели и презирали, попались как в ловушку.

Теперь было очевидно, что и Андрюхин, несмотря на полученный от разборчивых невест «арбуз», пожелал пригласить барышень, и Караваев пожелал, конечно, пригласить, и Николаев с Рубинским, относившиеся к барышням с крайним презрением, тоже положили билетки цельными.

– Вот-с, это ловко! – не переставая смеяться, несколько раз произнес Капорко. – Ей Богу-с ловко! Ай да барышни-с! Правду говорит Бидра: магические слова – барышни Задольские!

– Ну, что ж, по крайней мере, решили, – сказал мрачно Грабенштейн. – Стало быть, завтра и приглашение посылать.

– Не письменное, – отозвался Андрюхин. – Надо послать князя Аракина лично пригласить.

– Что же, я не прочь! – тотчас отозвался князь.

– Еще бы прочь!.. – проворчал Николаев.

Гости по приглашению хозяина вернулись в столовую и заняли снова свои места «кончать пол дюжину». Едва они

успели выпить по стакану шампанского, как в горницу явился юный корнет, за которым посылали солдата.

– Звездочкин! Здравствуй! Иди братец! Что протопоп? – раздалось отовсюду.

– Извините... – начал было явившийся.

– Извиняем ради протопоповны! – крикнул Андрюхин.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.